

ВИКТОР проходил мимо соседнего подъезда. На лавочке под последними лучами ослабшего осеннего солнца сидел его давний знакомый Антон.

Проходящий небрежно поздоровался и уже было продолжил движение, но его привлекло необычное выражение лица приятеля. Это было даже не выражение, а некий взгляд, устремленный сквозь него, сквозь эту осень, вообще сквозь пространство и время. Что-то заворожило Виктора в застывшей мечтательной позе сидевшего.

— Слушай, бездельник, — остановившись, начал разговор Виктор, — ты чего тут расселся поутру? Скучаешь, смотришь на мир просветленным взором. Сообразил с утра?

— С чего ты взял? — мирно и нехотя ответил Антон. — Так сию, праздник у меня сегодня.

— Праздник? Это какое же нынче событие? День народов Африки или взятия Бастилии? Что-то я не в курсе, просвети, не дай помереть «дурой»!

— Это мой личный праздник, он других не касается.

— Мне нравится! Твой личный праздник — это день твоего рождения, и все! Остальные: годовщины свадьбы, именины тещи, покупка машины — это дело не совсем твое, а вернее — вовсе не твое, не личное. Оно кого-то да касается. Да и день рождения — это, по сути, праздник твоих друзей и близких, а ты так — повод. Так что ты зря, не присваивай чужое, поделись, может, и я отпраздную эту дату с тобой.

— Нет, здесь немного другое. Трудно объяснить, слишком личное...

— Ты слова не подыскивай, говори как есть, не юли. Пойму, ну, попытаюсь.

— Только не смейся, ладно?

— Я! Да ты что! Я серьезен как никогда. Я настолько серьезен, что решил не тратить время на просмотр хоккейного матча под пиво, а готов слушать тебя, вернее — историю личного праздника.

— Дело давно минувших дней, — как бы не замечая сарказма, начал Антон. — Как мы живем? Ты в курсе?

— Ну живем если не хорошо, то все лучше и лучше. Во всяком случае, так говорят. Ты это к чему?

— Да к тому. Как там у классика: «Надо прожить жизнь так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы!» Вот как хотелось бы жить!

— Ну хотелось бы, Павка, ты наш Корчагин! Ты к чему это все?

— Да к тому, что не получается жить правильно, без потерь, чтобы стыдно за каждый день не было. Нет-нет, да судьба подкинет некое испытание, которое тебя то вознесет, а то опустит

Сегодня я многое осмыслил, простил и понял...

ПРАЗДНИК ВОЗВРАЩЕННОГО ДНЯ

ФОТО ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

ниже уровня сточных вод, и ты хлебашь это дерьмо, пытаешься выбраться «в люди», в нормальное человеческое обличье. И даже когда это удается, еще долго идет запах, некий шлейф этих неправильных поступков. Такие деяния, за которые стыдно, иногда происходят у каждого в жизни.

— Ну и что? Случилось, прошло, забылось. Чего напрягаться? Тема, даже неприятная для тебя, в конце концов, исчерпывается, закрывается и не имеет дальше перспективы. Не стоит о ней думать, чего же плакать-то?

— Да, такие дни случаются. Мы

пытаемся вычеркнуть их из жизни. Поэтому они, эти «неприятные» или бесполезные денечки, теряются в складках большой судьбы.

— Теряются! И правильно! Нет их и не было! Вся проблема!

— Были, Виктор, были. И не просто были, но оставили свой след в душах многих людей. И если бы их можно было действительно вычеркнуть из жизни, то после смерти многих людей оставались бы лишь две даты: рождения и кончины. Вроде был человек, жил, что-то делал, а вся его жизнь вычеркнута.

Так нельзя, так не должно быть. Свой след, даже мерзкий или бесполезный, должен быть, хотя бы ради опыта и назидания.

— Ладно, убедил. Но вернемся к «нашим баранам». Ты-то чего сегодня празднуешь с видом святого ангела во взгляде? Смерть, то есть вычеркивание из своего сознания этих потерянных дней?

— Нет, Виктор. Я праздную возвращение к жизни этого утерянного, казалось, безвозвратно времени.

— Как, как ты это делаешь, объясни, Антон. Ведь в сутках — 24 часа,

в месяце — 30 или 31 день... Куда ты вталкиваешь появившиеся вдруг сутки? Это барону Мюнхгаузену удавалось дополнить календарь, и то он обосновывал сие. А тут...

— Ты попал в точку. Потерянные дни не исчезают совсем. Они хранятся в ячейках нашей памяти где-то на периферии, чтобы не мешали жить. Но приходит и их время, время осмысления прожитого и исправления ошибок, покаяния, если хочешь. Ты сам усилием душевных сил или кто-то посторонний выталкивает эти потери в центр событий, дает им новое понимание и наполнение. Можно, конечно, опять засунуть их подальше, окончательно «припудрив» нафталином неприятия и забвения. А можно пустить эти дни в дело, взять в оборот, пополнить ими копилку своих добрых дел на этой Земле. Тогда они пойдут не как потерянные, а как приобретенные, как подспорье в этой непростой жизни. Это станет дополнительным фундаментом, способным выдержать любой житейский шторм.

— И...

— У меня ведь тоже были такие события, о которых не хотелось вспоминать. А сегодня я многое осмыслил, простил, понял. Ко мне кое-что вернулось! И теперь этот осенний день радует меня не меньше, чем тот, когда родилась дочь или когда сбылась мечта жизни. Я осознал, что эти «неприятные» дни мне были нужны всегда, без них жизнь текла неполноценно, односторонне, поэтому я уже не пытаюсь от них откеститься, забыть любой ценой. Они позволили мне стать мудрее, лучше, терпимее. Разве это не праздник? Я стал богаче...

— Где?

— Что где?

— Где то богатство? Дай потрогать, ощутить. Я приготовлю большой мешок.

— Оно тут, Виктор, — Антон показал в область сердца. — Поверь, это уже не обесценится, не истратится. День сегодня хороший, правда!

— Да обычный денек!

— Нет, видно, что сегодня праздник, праздник возвращенного дня...

АЛЕКСАНДР ШАРАПОВ,
работник цеха подготовки аглолукты
ОАО «ММК».

Русский язык — сокровище наций

ПИСЬМО ИЗ ИЗРАИЛЯ

МОЖЕТ, НА СВЕТЕ и есть более прекрасные речевые звуки, но я их пока не встречал. Звуки русского языка похожи на звучание симфонического оркестра.

Каждая буква — музыкальный инструмент. Ни один язык в мире, как мне кажется, не прошел такой долгий и сложный путь к совершенству. От тюркских вливаний Чингиса (деньга, диван, камыш, лошадь, сандалии), до перемены алфавита византийскими учениками Кириллом и Мефодием, через петровские реформы с внедрением в русский язык технических и торговых слововыражений из немецко-голландских и «аглицких» языков (циркуль, розетка, ветер, линейка), которые мы совсем не слышим и не замечаем, до французских слов, заполнивших изрядную долю словаря. Они еще свежие, и ты спокойно спрашиваешь француза, как пройти на пляж или где купить жакет... И еще море

слов: газета, билет, багаж, дежурный, этаж, шофер... Это времена Пушкина и Наполеона, они не так далеки от нас, и французский еще живой...

Виртуозы языка Пушкин и его прекрасные литераторы-современники, а потом Бродский уведут своих читателей в такие фантазийные миры, какие могут показать нам лишь голливудские умельцы с помощью компьютерных спецэффектов. А какие картины выходили из-под пера писателей-мастеров? Трудно осилить сразу...

Что же произошло с языком, очищен ли он? Каждая буква — звук. Это большое достижение. Возьмем, к примеру марку автомобиля «рено». Слово французское, четыре звука, а букв — семь. Как вам? А вот авто «пежо». Тоже четыре звука и семь букв. Избавлены от французской картавости. Надо или нет? Пусть француз картавит. Песни Эдит Пиаф слушали? Чтобы записать звук «ш», нужно минимум две буквы, да еще с птичкой наверху. А в русском алфавите звук «ш» равен букве «ш». Из божественного алфавита взята та же история со звуком «ц». Чтобы звук этот

на бумагу перевести, берем из алфавита одну букву, а не несколько. И каждый звук — огранка бриллианта. А когда на сцене идет опера «Евгений Онегин» Чайковского, и Ленский спрашивает: «Что день грядущий мне готовит?» — даже итальянец, заслушавшись, стоит с открытым ртом...

Язык сам избавился от арабских гор-таных звуков и английских перекачываний во рту жевательной резинки или еще чего-нибудь. Ухо у меня такое выросло. Не виноват я. В детстве пришлось не по своей воле слышать пять или шесть языков: от родителей — идиш и польский, от соседей — украинский и молдавский, а на Башкир-базаре — татарский и башкирский, куда мы ходили за мясом и овощами. От бабушкиных гостей-музыкантов — немецкий. А по вечерам бабуля, кроме уроков музыки, помогала студентам из пединститута с французским. Любимой площадкой для моих детских игр был «Беккер» — концертный рояль, стоявший в центре бабушкиного «салона». Так что уши мои были полны всяких особенных звуков.

Как же случилось, что испанский и португальский даже за океан переплыли, а английский — по всему миру? А мы со своим русским где? Что сейчас за язык пошел? Хорошо, великие не слышат, а то бы в гробах перевернулись. Говорят на черт-те каком, вперемешку с английским. Так челядь дворовая говорила с бариним. Холопская привычка, однако...

А, может, язык меняется? Намедни был на свадьбе у японцев-иудаистов, слышал, как один у другого просил прощения. Это звучало как объявление войны или смертельная угроза, помноженная на децибелы. Но тоже интересно. Вот такой он — японский...

Если язык — это сокровище нации, его алмазы, то русский язык — сокровище многих наций, многих народов...

ЕФИМ ГОНИКМАН,
Израиль — Магнитогорск.

P.S. Ефим Гоникман много лет работал художником во Дворцах культуры металлургов Магнитки, оформлял городские и государственные праздники, хорошо известен магнитогорским коллегам.